

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ОХЛОПКОВ — самый яркий, вдохновенный и талантливый представитель первого послеоктябрьского поколения режиссеров советского театра.

Охлопков пришел в театр в 1917 году! Он не сразу стал там актером, не сразу стал режиссером. И все же пришел он в театр как художник, «революционной мобилизованный и призванный». Так говорил о себе Маяковский. Это его слова. А все, что говорил поэт, все, чем жила и дышала его поэзия, с юношеских лет вдохновляло Охлопкова, захватывало его романтически настроенную натуру, пробуждая в ней энергию активнейшей жизнедеятельности.

Потому-то, вспоминая свою юность, Охлопков непременно вспоминал и Маяковского.

«Спасибо ему за то, что, не зная меня, не подозревая совсем о моем существовании, он выправил мою юную душу и направил на борьбу за новое искусство...».

На площади родился его театр. На площади родился он как режиссер. Было это 1 мая 1921 года. Тихвинская площадь в Иркутске.

А сколько же было в ту пору Охлопкову?

Двадцать один год, без двух недель двадцать один год!

Таким молодым, восторженным юнцом вошел Охлопков в большой мир искусства.

Он был захвачен в те годы романтическим восторгом восприятия новой жизни, ее идей, идеалов. Он врывался в бурный поток революционной действительности и плыл в нем навстречу новым, зовущим вперед горизонтам...

Иркутская премьера «Мистерии-буфф» произвела ошеломляющее впечатление. Ничего подобного в городе никогда еще не видели. Охлопков и тут был верен девизу Молодого театра: моло-

дость, смелость, эксперимент. О своей знаменательной премьере режиссер вспоминал впоследствии: «Тут, кажется, перемейерхольд самолет Мейерхольда...».

За «Мистерией-буфф» перед ним открывалась дорога в Москву.

В столице его режиссер-

ским плацдармом стала эскадра сцена Реалистического театра. С мощной силой проявилось там самобытное режиссерское дарование Охлопкова.

Кто-то, напуганный дерзновенностью молодого таланта, спешил вынести ему безапелляционный приговор — поставить на Охлопкове крест... Но громче всех прозвучал тогда, после премьеры «Разбега» В. Ставского, восхищенный голос темпераментного Всеволода Вишневского: «Бейте в барабаны ради!»

Такое же обещание, слово в слово, он мог бы повторять и через десять лет, если бы суждено было ему дожить до своего 70-летия...

Молодость духа — это отличительная черта, сокровенная суть охлопковского характера, всей его натуры.

Молодым пришел Охлопков в театр своего режиссерского счастья, и он скажет со временем: «Ничем не закрыть того счастья, которое мною испытано, когда мы плыли с Реалистическим театром в неизвестное...».

В фильмах живут былинный герой могучего богатырского склада, молодецкой удали Василий Буслаев —

«Александр Невский»; самотверженный рабочий человек испытанный большевистской закалки Василий — «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»; героический комиссар Воробьев с неисчерпаемыми богатствами духовной, нравственной силы — «Повесть о настоящем человеке»...

ему уже виделись новые искания и новые театральные открытия — пушкинский «Евгений Онегин», «История города Глупова» Салтыкова-Щедрина, а за ними — «Дон Кихот» Сервантеса.

Молодым пришел Охлопков и в Московский театр драмы, ставший со временем

Охлопкова — «Гроза». Значительность ее сказывалась в стремлении с наибольшей глубиной и яркостью сценически выявить духовную и художественную мощь, таявшуюся в глубинах драмы Островского.

Волнующим воспоминанием о днях иркутской юности

о жизни, прожитой Охлопковым в искусстве, справедливее всего сказать: это были вечные искания, это было вечное горение.

Театр был его жизнью. Да и сам он был живой и неделимой частью театра. Был человеком настолько театральным, что признавался однажды: «У меня кровь, видно, стала театральной». И позже снова повторил: «Да, у меня театральная кровь».

Для него ничего не существовало в жизни, кроме театра. Театр и был его жизнью — удивительно наполненной, страстной, целеустремленной и беспокойной жизнью, жизнью мечтателя, поэта, созидателя, жизнью человека, художника, гражданина, патриота.

Театр был для него не местом работы, а главным местом жизни.

Когда бы и где бы ни встречались мы с ним, он всегда оставался во власти театра, всегда жил им. Даже в часы отдыха, в минуты кашающегося покоя.

И постоянно, непрерывно и властно владела удивительная сила творческого воображения, без которой не способно раскрыться во всем своем величии, во всех своих возможностях дарование художника.

...В зимнее утро мы сидим за городом, захваченные поэтическим очарованием красоты подмосковного пейзажа. Сидеть бы и молчать тут, впитывая в себя удивительную тишину покоя природы. Но и тут режиссер остается режиссером. Он уже ставит спектакль. Оглядывая прозрачные дали раскрывающегося перед нами пейзажа, Охлопков в воображении своем восстанавливает живые картины происходивших здесь когда-то исторических событий... Он готов уже подняться на сцену. Он готов уже начинать репетицию... \

Николай АБАЛКИН.

ПОЭЗИЯ ТВОРЧЕСТВА

К 85-летию со дня рождения Н. П. ОХЛОПКОВА

Прошли годы, оставившие позади бурные дни иркутской юности Охлопкова. Но он был все тем же Охлопковым, неспособным стоять в стороне от событий. Всегда и во всем он продолжал сохранять неугасаемый энтузиазм своей молодости. Он был и оставался молодым — нестареющим человеком, нестареющим художником. И когда пришло время его шестидесятилетия, Николай Павлович сказал на юбилейном чествовании:

«Я обещаю вам быть в искусстве юным, быть смелым, не уставая, продолжать свои искания...».

Такое же обещание, слово в слово, он мог бы повторять и через десять лет, если бы суждено было ему дожить до своего 70-летия...

Молодость духа — это отличительная черта, сокровенная суть охлопковского характера, всей его натуры.

Молодым пришел Охлопков в театр своего режиссерского счастья, и он скажет со временем: «Ничем не закрыть того счастья, которое мною испытано, когда мы плыли с Реалистическим театром в неизвестное...».

В неизвестное... Но в этом неизвестном, завтрашнем

театром имени Вл. Маяковского. Это было в 1943 году. И тут, как и всюду, на протяжении чуть ли не четверти века с прежним охлопковским запалом, прежней охлопковской дерзновенноностью продолжались неустанные искания, с огромным увлечением осуществлялись впечатляющие художественные замыслы.

Как прекрасная театральная легенда вспоминается ныне «Молодая гвардия» Александра Фадеева. Быть может, самая вдохновенная, поэтическая и героическая постановка Охлопкова, отмеченная глубиной и мудростью проникновенного художественного обобщения.

«Молодая гвардия» не стала пределом режиссерских исканий немолодого уже по возрасту художника. За ней последовал «Гамлет», мечта о котором вынашивалась годами. В постановочном замысле шекспировской трагедии лейтмотивом звучала у Охлопкова идея борьбы за высокие идеалы человечества. Онставил спектакль о жизнеутверждающей силе гуманизма, о могущественности духовной силы человека.

Через год после «Гамлета» новая значительная работа

создания на сцене сильных, монументальных образов...